

Гоов Ислам Мачраилович

преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА У КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация:

Статья посвящена одной из актуальных тем как для юриспруденции, так и для других наук, таких как этнология, антропология и так далее. Представлены два основных подхода к периодизации правовых систем, их сторонники, дана периодизация развития правовой системы Дагестана. На основе антропологического метода выделено несколько этапов развития обычного права. В рамках последовательного аналитического изложения описаны уникальные эпизоды развития обычного права народов Северного Кавказа со времен первых государств до наших дней.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, Дагестан, антропологический метод, периодизация, этапы развития обычного права, адат, кхел, соционормативная культура.

Goov Islam Machrailovich

Lecturer, General Legal Disciplines Department,
North Caucasus Institute for Advanced Training,
branch of the Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

THE EVOLUTION OF CUSTOMARY LAW OF CAUCASIAN PEOPLES: DEVELOPMENT STAGES

Summary:

The article is devoted to the topic important for both jurisprudence and other sciences, such as ethnology, anthropology and so on. The author discusses the two basic approaches to the legal systems periodization and their supporters, presents a periodization of the legal system development in Dagestan. On the basis of the anthropological method, the paper identifies several stages of the customary law development. In the framework of consistent analytical presentation the author describes the unique episodes of customary law of the North Caucasian peoples since the first known states until present.

Keywords:

North Caucasus, Dagestan, anthropological method, periodization, stages of customary law development, Adat, Khel, socio-normative culture.

В рамках одного государства может существовать одновременно несколько правовых культур. Особенно это характерно для многонациональных и мультирелигиозных обществ. Так, в России существуют русская, мусульманская, элементы цыганской и некоторых других этнических общностей. При этом можно говорить о правовой культуре как общности (общества) в целом, так и отдельной личности (индивидуума).

Обычное право сложилось в общественном сознании раньше всех других форм права, так как обычаи и традиции, составляющие основу этого права, возникли на переходном этапе от первобытно-общинной организации общества к государственной в результате санкционирования существующих обыкновений нарождающимися структурами власти. Обычаи и традиции, закрепляясь в общественном сознании как устойчивая форма поведения и действия людей, предшествовали в истории развития общества всем другим источникам права. В ранних государственно-организационных обществах правовой обычай занимал ведущее положение.

В Древнем Риме, например, из правовых обычаев складывались важнейшие отрасли и институты права. Древние законы (к примеру, законы XII Таблиц, Законы Дракона в Афинах VII в. до н. э.) представляли собой не акт нормотворчества, а только запись обычаев. В феодальной Европе обычаи были основным источником права до XVI в. На Северном Кавказе в течение многих веков обычаи (адаты) обеспечивали правовые и нравственные отношения северокавказских горцев как внутри общины, так и вне ее. Они передавались в регионе как устное обычное право от поколения к поколению.

По проблемам периодизации правовых систем в науке существуют различные подходы. Ученые за основу своих теорий принимают идеологические, этнические, религиозные, культурно-исторические и другие признаки права. В науке «юриспруденция» сложилось два основных подхода к периодизации правовых систем: марксистский (формационный) и культурно-исторический (цивилизационный). И тот и другой подходы достаточно исследованы коллегами-юристами. Наиболее известным представителем цивилизационного подхода к истории правовой системы в современной отечественной юридической науке является В.Н. Синуков. В 1990-х гг. им был предложен культурно-исторический подход, предполагающий придание приоритетного значения критериям и факторам, отражающим культурно-историческую специфику правовой системы и дифференцированность периодизаций государства и права, рассмотрение последнего как самостоятельного культур-

ного феномена, автономного от экономических, политических отношений и не сводящегося к фазам их развития. С изложенной теорией многие не согласны (к примеру, А.М. Сагидов), поскольку история развития правовой системы тесно связана с историей развития государства.

Государство и право – это взаимодействующие субстанции, имеющие общие связи, основания и происхождение. Правовая система общества формируется и развивается под воздействием целого комплекса объективных факторов: экономических, политических, духовных, социально-культурных и других. Вряд ли обосновано признание одного из них в качестве основного, определяющего. Поэтому при определении этапов развития правовой системы общества следует принимать во внимание различные подходы и критерии. В частности, некоторые авторы-дагестановеды, учитывая «государственное» и социокультурное измерения, хронологически представляют периодизацию развития правовой системы Дагестана тремя основными этапами:

- 1) дореволюционный период, включающий в себя:
 - а) древний период, то есть с момента возникновения на территории Дагестана в IV в. до н. э. первого государства Кавказская Албания до распространения в Дагестане с X в. мусульманской религии;
 - б) период смешанной правовой системы, сложившейся под влиянием обычного права народов Дагестана и мусульманского права (X – начало XIX в.);
 - в) правовую систему государства Имамат (1825–1859);
 - г) правовую систему Дагестанской области Российской империи (1860–1917);
- 2) советский период (с 1917 до конца 1980-х гг.);
- 3) современный период (с начала 1990-х гг.) [1; 2].

Истоки возникновения, применения и дальнейшего развития правового обычая целесообразно рассматривать с точки зрения его исторического генезиса. Такая точка зрения более всего характерна для представителей антропологической и этнографической школы права (Д.Ж. Валеев, О.А. Пучков, П.И. Семенов). Именно сочетание двух методов – социально-антропологического, применяемого при изучении общих закономерностей развития человечества и этнографического, позволяющего рассмотреть конкретную историю отдельных народов, их происхождение, обычаи, традиции, моральные нормы, религию – поможет нам проследить развитие правового обычая, опираясь на изучение непосредственно его содержания.

Основываясь на антропологическом методе изучения общих закономерностей развития человеческого общества, мы, акцентируя свое внимание на обычаях народов Северного Кавказа, склонны выделить следующие этапы развития обычного права:

- возникновение и формирование коллективной общины. На этом этапе наряду с процессом самоидентификации человека возникают новые общественные отношения, связанные с коллективными интересами первобытно-общинного общества – отношением власти и управления, табуитетом, возникновением имущественных отношений, регулировавшихся обычно-правовыми нормами;
- появление специализированного судебного учреждения в форме совета старейшин, что вызвало необходимость письменной фиксации норм обычного права;
- обособление рода и формирование родовых органов власти, что явилось первичной предпосылкой к классовому расслоению общества и появлению таких социальных норм, которые защищали интересы правящей верхушки и озаменовали частичную трансформацию норм обычного права в закон. В отличие от родоплеменного строя, где право закрепляло кровнородственные отношения, в вождестве и ранних государствах право оформляет прежде всего отношения территориального членства и принадлежность к определенному сословию... Усложнение социальной структуры неизбежно требует и изменения формы права. Поэтому обычай заменяется законодательством – господствующей формой права (вместе с судебными прецедентами) раннегосударственного общества. Содержание же права – эквивалентность и формальное равенство, в принципе, остается неизменным;
- появление государства и его специальных органов, что потребовало модернизации всей системы управления обществом и перехода на более прогрессивные формы права. Местные обычаи, как правило, сохранялись лишь в том случае, если в силу определенной перегруппировки они получили географически более широкую сферу применения и если была осуществлена компиляция, позволяющая легко ознакомиться с ними. Даже при создании крупных компиляций обычного права последние не могли претендовать на всестороннее, всеохватывающее регулирование существовавших общественных отношений, сами меняющиеся условия жизни заставляли компиляторов отбрасывать частности местного значения, отходить от казуального характера сочинений и приближаться к универсализму правовых норм;
- утверждение современного государства с развитой системой органов власти и управления и приоритетом позитивного права над правовыми обычаями. Основанием применения обычно-правовых норм зачастую становится государственное санкционирование. Тем не менее нормы правового обычая продолжали выступать в качестве социального регулятора в тех социумах, где сохранялся общинный уклад (соседская, крестьянская, этническая и т. д.). В результате

санкционирования происходит своего рода систематизация обычаев, регулирующих определенные сферы отношений [3, с. 57–58; 4; 5, с. 10; 6, с. 10–12].

Происхождение обычного права народов Северного Кавказа относится к дописьменной эпохе и может быть гипотетически реконструировано лишь с помощью ретроспективного метода.

Отрывочные данные об обычаях, в том числе протоправовых, появляются у античных авторов при описании древнейших народов Северного Кавказа и Скифии, которые приняли участие в этногенезе средневековых племен. Столь же фрагментарные данные об обычно-правовых нормах народов Северного Кавказа появляются в период Средневековья (XIV–XV вв.), а систематизированные записи адатов европейскими и российскими авторами в XVIII–XIX вв., которые фиксировали сложившиеся правовые отношения на данный период. Первые попытки обобщить материал по обычному праву народов Северного Кавказа относятся к XIX в. [7; 8; 9; 10; 11; 12].

К XVI–XVII вв. на Северном Кавказе, по мнению ряда авторов, сложилась кавказская горская (северокавказская) цивилизация [13; 14]. Кавказская горская цивилизация характеризуется полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтезом местного язычества с элементами христианства и различными течениями ислама); сочетанием высокогорья, предгорий и равнин, которое определяет взаимосвязь террасного земледелия, альпийского скотоводства и наездничества; психологическими чертами, закрепленными в своеобразных этических горских кодексах, преобладанием негосударственных (но не догосударственных) форм самоорганизации.

Народы Северного Кавказа в XVI–XVII вв. переходят от стадии «военной демократии» к вожеству, зарождению органов публичной власти и генезису обычного права, правового дуализма на основе норм адата и шариата.

Таким образом, вся история соционормативной культуры Северного Кавказа, включая обычное право, подтверждает справедливость вывода А.И. Першица и Я.С. Смирновой о том, что правовой плюрализм «существовал на Северном Кавказе на протяжении всего доступного исторической реконструкции времени».

Развитие соционормативной культуры региона в дальнейшем определялось сложной взаимоотноадаптацией обычного и мусульманского права.

Анализ памятников дореформенного Северного Кавказа позволяет выделить два основных «уровня» правотворчества. Правовые нормы создавались и поддерживались, во-первых, на уровне отдельной семьи либо клана-тухума и, во-вторых, на уровне селения, «вольного общества» или ханства.

Здесь уместно отметить коренную особенность правового сознания горцев. Среди них бытовало представление, что как преступление, так и наказание по своей сути являются не индивидуальными, а коллективными действиями. Согласно адату, любое правонарушение причиняет ущерб или затрагивает честь не столько отдельного человека, сколько того рода и общественной группы, с которыми он связан. Говоря о разборе «преступлений против личности» согласно адату, следует иметь в виду, что под личностью понимался не индивид, а коллектив – семья, клан, квартал, селение и т. д. Субъектом права является не индивид, а то социальное поле, которое вырабатывает правовые нормы, – клан либо селение. Человек, не имеющий или лишившийся своей социальной группы, не может иметь какой-либо правовой защиты. Это изгой, которого каждый может оскорбить, ограбить или даже убить [15].

Внутриродовым и межродовым отношениям у горцев северного Кавказа посвящена первая глава работы А.М. Ладыженского «Адаты горцев Северного Кавказа» [16; 17]. До него этим феноменом занимались А.В. Комаров [18] и А.М. Дирр. Однако А.М. Дирр – не юрист и не социолог, а филолог, хорошо знающий только дагестанский материал.

При изложении обычного права горцев обычно начинают с междуродовых отношений, и в частности с кровной мести. Принято думать, что первоначальными нормами, регулировавшими взаимоотношения людей, были междуродовые, что не существовало никаких индивидуальных прав отдельных членов рода. И, действительно, со строго юридической точки зрения, право, как мы уже отмечали выше, зарождается в междуродовых отношениях. Но права и обязанности в моральном и бытовом смысле возникают гораздо раньше зарождения государственной власти. Для того чтобы существовали междуродовые нормы поведения, надо, чтобы существовал родовой общественный союз. Этот последний немислим без норм поведения членов его по отношению друг к другу. И эти нормы подробно разработаны и чрезвычайно строго соблюдались [19, с. 59–60]. Поэтому мы обращаем внимание на внутриродовые.

Родовой строй возник гораздо раньше, чем образовалось государство. При отсутствии субординационного властноправового порядка каждый мог получить защиту только от своих родственников. Поэтому вырабатывалось правило, что весь род должен защищать каждого своего достойного члена и, с другой стороны, каждый член должен был жертвовать все для

блага всего рода, как такового. Родовой союз считался в одно и то же время и кровным, и хозяйственным, и религиозно-нравственным союзом. Каждый род имел своих богов, своих умерших предков, которым поклонялись, память которых чтители. Каждый общественный союз должен был иметь символ своего единства. Таким символом являлись знамя, герб, портрет вождя и т. п. Символом родового единства у горцев служила обыкновенно цепь от котла. Выбросить цепь котла являлось величайшим оскорблением рода. Даже у народов с более развитым общественным строем семейный родовой очаг играл огромную роль и пользовался большим почетом. Так, в Кабарде есть немало супругов, обвенчанных над тундиром, и они говорят с убеждением, что «тундир выше церкви, так как он кормит, согревает и очищает их» [20, с. 217].

Таким образом, у горцев Северного Кавказа мы видим сложную систему отношений, сформировавшуюся в результате наслоения разных влияний и вызванную разными хозяйственно-бытовыми потребностями: 1) внутрисемейную, или, вернее, внутривидовую, организацию со своими нормами и санкциями; 2) междуродовые отношения и междуродовые нормы, санкцией которых являлась кровная месть; 3) шариатское право, которое основывалось на идее единства всех правых верных. По шариату рассматривались такие дела, как купля-продажа земли, дома, брачные дела, дела о наследстве, прелюбодеяние. По адату разбирались убийства, похищение, воровство. Адатские судьи были в каждом селении, и они использовали такие виды наказания, как выселение с родины, штрафы; 4) новое частное и публичное право, которое поддерживалось царской Россией, организовавшей особые горские суды, в целях осуществления русификаторской политики и борьбы против многих пережитков родового строя и шариата.

Мы видим, что адаты, бывшие первоначально обычаями, сложившимися в первобытнообщинном строе, были санкционированы силой общественного мнения сородичей и силой рода по отношению к другим родовым союзам. Позже, по мере того как роды распадались на патронимии и задруги и стали сословными корпорациями, горские адаты превратились в юридические нормы, защищающие интересы привилегированных слоев. Превращение родовых норм в юридические есть одно из проявлений превращения родового общества в протогосударственное и теснейших образом связано с постепенным образованием органов государственной власти. В этнографической и историко-правовой литературе вообще и в кавказоведческой в частности много раз указывалось на то, что из обычаев почитания старейшин складывались нормы, регулирующие взаимоотношения между управляющими и управляемыми, как из трудовой заимки отдельными семьями, не находившимися до тех пор в пользовании участков, возникло семейное землевладение.

К моменту завоевания Россией кавказского региона, в частности, у осетин мы видим, что родовой строй не содержал никаких общественных признаков зарождения в нем государственности. Только в среде некоторых осетинских обществ, как, например, дигорского и тагаурского, образовалось высшее «благородное» сословие алдаров и баделят, которые, однако, не получили еще никаких существенных преимуществ перед остальным населением. В других же обществах, как в алагирском, мамисонском и южно-осетинском, можно было наблюдать даже первобытный демократизм и только зачатки сословного деления.

Своеобразной стороной расщепления общества первоначально путем дифференциации родов, а затем отдельных патронимий и задруг, крупных составных семей, на которые распался род, было образование сословий. При этом зародыши сословий были следующие: 1) «стыр» или «тыхджын мыггаг» («большой, сильный род»). Первоначально слово «стыр» обозначало чисто фактическое положение, а затем оно получало признание в сознании населения; 2) в феодально зависимом положении от «тыхджын мыггаг» находились «фарсаги» («находящийся сбоку, живущий около, действующий заодно»). Фарсагами были задруги и кланы, поселившиеся под защитой стиров, по спросу у них, на их земле... В Древнем Риме такие назывались «клиенты»; 3) далее идут крепостные кавдасары, 4) и наконец, рабы – алхад, садляг, т. е. «купленный, черный мужчина» [21].

В местах родовых культов происходили собрания старейшин. Роды имели свои общинные собрания, нихасы, в которых все взрослые мужчины обсуждали дела. Нихас по-осетински означало «беседу» и то место, где эта беседа происходила. Такие «нихасы», так называемое прямое народоправство, хорошо известны истории общественных формаций.

Все дела рассматривались на собраниях народа – вечях. Эти вечи разрешали вопросы о порядке пользования лесом и нивами, о пастьбе скота, об устройстве дорог и т. д. На них слагалось так называемое маслагатное право, т. е. право, установленное путем соглашений. По-осетински решения, принятые на этих собраниях, назывались «бадзурин», что значило соглашение. В этих собраниях можно видеть зачатки публичной власти и публичного права. Они, конечно, как отмечал В. Пфаф, не были организованы [22, с. 202]. З. Ванети правильно указывал, что на них не бывает руководства и прений. «Никакой систематичности в работе нихасе не было. Это далеко не те собрания, на которых старшины дают обществу отчет о своих действиях и совещаются о дальнейшем направлении общественных дел. Гораздо более организованы были собрания у

древних греков, чем у современных горцев. Эти нихасы, или «джамааты», как они назывались у кабардинцев и других мусульманских народов Кавказа, имели свои исполнительные органы, так сказать, зачатки государственного аппарата.

Гораздо яснее наметилось образование государственности у вайнахов, хотя и здесь она не сложилась окончательно. Вайнахи в этом отношении могут служить иллюстрацией образования публичной власти. В отличие от чеченцев у куртатинских, дигорских и тагаурских осетин мы можем видеть зарождение власти, основанное на социально-классовом расслоении, у вайнахов же можно наблюдать создание княжеской власти и из потребности защищать свою землю и свою движимость. У них было нечто подобное древнерусскому призванию князей. Отметим, что у чеченцев государственную власть пытались установить путем завоевания народа, где еще не было резкой, вполне сложившейся сословной дифференциации [23, с. 123–124, 154].

Таким образом, родовые объединения сложились не только как кровнородственные, но и возникали из экономических потребностей. При этом роды не являлись экономически равными и находились друг с другом в борьбе. На позднейших стадиях своего развития одни роды ставили в имущественно зависимое от себя положение другие, т. е. одни роды становились «леями», т. е. рабами других, становились по отношению к другим в зависимое положение.

Образование протогосударств происходило не только путем распада родов на патронимии и задруги, но и путем дифференциации между самими родами. Сохранив внутри себя патриархальную организацию, родовые союзы на последней стадии своего развития становились, так сказать, групповыми сеньориями для подчиненных их власти родовых общин. На Кавказе мы наблюдаем полупатриархальный-полуфеодальный строй. Внутри себя такая сеньория являлась патриархальной родовой организацией, а вовне – феодалом по отношению к зависимым от нее общинам. Органы такого тухума для зависимых являлись органами, представлявшими из себя зачаток государственной внешнепринудительной власти. Так, например, в Дагестане собрание «джамаат» имел исполнительный орган – главного кевху и несколько кевхов крупнейших тохумов и судей, которые по отношению к экономически зависимым тухумам являлись органом власти, т. е. зачатками государственной власти.

Государственная власть, возникнув в значительной мере из родовой, сохранила на первой стадии своего развития много черт от родовой организации. Древнейшее право являлось записью обычаев родового строя (кровная месть, система композиции), но обычаев уже приобретших черты позитивного права (выкуп кровной мести ставится в зависимость от сословной принадлежности обиженного и обидчика). Сама кровная месть и ее выкуп стали средствами эксплуатации, хотя эти институты возникли при родовом обществе.

Из того, что на последней стадии своего развития родовые объединения трансформировались в свою диалектическую противоположность – в зачатки государства, а органы родовой власти стали зачатками государственных учреждений, следует, что родовые нормы становились зачатками правовых. Ошибочно мнение, будто не существовало зачатков правовых норм в период, когда государство только складывалось. Нельзя думать, что в понедельник государства и права не было, а во вторник они появились. Процесс создания их длился столетия, и имелись промежуточные формы. Формы – эмбрионы государства и эмбрионы права. Их надо видеть в родовом обществе. Нормы, регулирующие отношения внутри рода и одного рода к другому, и являлись зачатками права. Это, конечно, не юридические нормы в принятом смысле слова, но это нормы, которые трансформировались в правовые. С этой точки зрения, адаты кавказских горцев являются очень интересными для изучения процессов развития права.

Рассматривая основные правовые институты народов Северного Кавказа в XIX веке, можно сделать вывод о том, что, несмотря на влияние мусульманского права и российского законодательства, большую роль в регионе все же играли нормы обычного права. Так, например, при заключении брака нормы адата являлись преобладающими. Это касалось прежде всего препятствий к заключению брака, в частности экзогамных запретов (до седьмого поколения включительно). А по нормам мусульманского права такие ограничения распространяются до третьего колена. Кроме того, мужчина по шариату имеет право женить своего сына на дочери своей жены от первого брака, а отец и сын могут одновременно жениться на матери и дочери.

Таким образом, несмотря на то что нормы мусульманского права на Кавказе в конце XIX в. стали несколько оттеснять адатные, последние все же продолжали играть довольно значительную роль в этносоциальной среде. Насколько сильными оказались в этот период адаты и традиционное правосознание у северокавказских этносов, можно представить на примере функционирования кхела – общинного суда у вайнахов (чеченцев и ингушей). Мехк-Кхел – Совет старейшин [24, с. 60]. Решение кхела у вайнахов считалось определяющим в их правосознании. Российская администрация в то время прилагала немалые усилия на то, чтобы преодолеть такое значение этого суда. Но тем не менее она не смогла существенно повлиять на традиционное правосознание чеченцев и ингушей, в частности на их восприятие решения кхела в их жизнедеятельности.

Более того, даже в советское время приговоры кхела периодически приходили в противоречие с решениями официального, т. е. народного, суда. Большинство чеченцев и ингушей продолжало признавать верховенство в судебной практике кхела. Такая позиция в их правосознании и судебной практике неизбежно приводила к определенной маргинализации личности, к возникновению промежуточных состояний в ее правосознании и поведении [25].

В целом после Октябрьской революции все дела стали подлежать рассмотрению по советским законам народными и областными судами. Всякий советский работник в национальных республиках и в автономных областях должен был знать местные туземные обычаи вообще и юридические в частности.

Современное правовое сознание народов Кавказа строилось на пересечении двух константных осей координат: исламизации – длительной, растянувшейся на века и с очевидностью еще не завершившейся, и исторически конкретного существования в Российской империи, Советском Союзе, России, диктовавшего нормы и формы как социального, так и индивидуального бытия [26].

Социальный прогноз правового развития кавказского региона на современном этапе, можно сказать, выражается в трех основных направлениях:

– постепенный отход от обычно-правовой и религиозной традиций в пользу позитивного права, связанный с формулированием общегосударственной идеологии и ее подкреплением социально-экономическими преобразованиями;

– продолжение усиления обычно-правовой и религиозной традиций прав в ущерб позитивному праву, связанное с либерализмом и конституционностью только одних прав человека;

– усиление религиозной традиции права в ущерб обычному и позитивному праву, в последующем заменяемому заимствованным законодательством, нетрадиционным для российской цивилизации [27].

Полагаем, что выбор магистралей развития современного права и государства принадлежит не только политической элите, федеральной и региональной властям, но и российскому обществу. Уверены, что благоприятный сценарий должен первоначально основываться на традиционализме, в том числе правовой культуре народов Северного Кавказа.

Ссылки:

1. Халифаева А.К. История государства и права Дагестана. Махачкала, 2012.
2. Сагидов А.М. Обычаи и традиции в правовой системе Республики Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
3. Честнов И.А. Истоки права // Истоки и источники права : очерки / под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижних. СПб., 2006.
4. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.
5. Дусаев Р.Н. Основные правовые системы современности : учеб. пособие по теории государства и права. Петрозаводск, 1999.
6. Васильев А.М., Васильева С.М. Понятие и признаки правового обычая // Вопросы российского и международного права. 2012. № 9–10.
7. Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880.
8. Гальперин С.Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893.
9. Харузин Н.Н. Очерки первобытного права. М., 1898.
10. Пост А.Г. Зачатки государственных и правовых отношений (Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права). М., 1901.
11. Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. М., 1905. Вып. 1–2.
12. Башмаков А.А. Очерки права родового, наследственного и обычного. СПб., 1913.
13. Там же.
14. Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2003.
15. Башмаков А.А. Указ. соч.
16. Михайленко Н.М. Правовой обычай в системе источников права : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
17. Ладыженский А.М. Адагы горцев Северного Кавказа. М., 1947 ; его же. Адагы горцев Северного Кавказа // Южнороссийское обозрение. 2003. Вып. 18.
18. Комаров Л.В. Адагы и судопроизводство по ним // ССКГ. 1868. Вып. 1.
19. Ладыженский А.М. Адагы горцев Северного Кавказа.
20. Зачатки государственных и правовых отношений. Очерки по всеобщей сравнительной истории права. М., 1901.
21. Хетагуров К. Быт горных осетин. Сталинар, 1939.
22. Пфаф В. Народное право осетин // ССКГ. 1871. Т. 1.
23. Ладыженский А.М. Адагы горцев Северного Кавказа.
24. Мусаев А.М.-А. Суверенитет народа Чеченской Республики и традиционная (тейповая) организация чеченского общества // Закон и право. 2014. № 10.
25. Обычное право: сущность и основные характеристики [Электронный ресурс]. URL: <http://studentu-vuza.ru/pravonagrodov-kavkaza/lektsii/obyichnoe-pravo-suschnost-i-osnovnyie-harakteristiki.html> (дата обращения: 01.12.2014).
26. Манкиева Х.М. Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2006.
27. Небрятенко Г.Г. Обычно-правовая система традиционного общества. М., 2011.

References:

1. Khalifaeva, AK 2012, *History of State and Law of Dagestan*, Makhachkala.
2. Sagidov, AM 2008, *Customs and traditions of the legal system of the Republic of Dagestan*, PhD thesis, Moscow.
3. Chestnov, IA 2006, 'Sources of law', *The origins and sources of law: essays*, St. Petersburg.
4. David, R 1988, *Major legal systems of today*, Moscow.
5. Dusaev, RN 1999, *The main legal systems of the present: Proc. benefit theory of law*, Petrozavodsk.
6. Vasiliev, AM & Vasilieva, SM 2012, 'The concept and features of legal custom', *Questions of Russian and international law*, no. 9-10.
7. Kovalevsky, M 1880, *Historical and comparative method in law and methods of studying the history of law*, Moscow.
8. Halperin, SD 1893, *Sketches of primitive law*, St. Petersburg.
9. Kharuzin, NN 1898, *Sketches of primitive law*, Moscow.
10. Post, AG 1901, *The beginnings of the state and legal relations (Essays on the general comparative history of state and law)*, Moscow.
11. Kovalevsky, M 1905, *Tribal life in the present and the recent and distant past. Experience in the field of comparative ethnography and history of law*, Moscow, vol. 12.
12. Bashmakov, AA 1913, *Essays tribal rights, inheritance and customary*, St. Petersburg.
13. Bashmakov, AA 1913, *Essays tribal rights, inheritance and customary*, St. Petersburg.
14. Vertiy, MY 2003, *Customary law of the North Caucasus as a cultural phenomenon*, PhD thesis, Rostov-on-Don.
15. Bashmakov, AA 1913, *Essays tribal rights, inheritance and customary*, St. Petersburg.
16. Mikhaylenko, NM 2009, *Legal custom in the system of sources of law*, PhD thesis, Krasnodar.
17. Ladyzhenskiy, AM 1947, *Adat mountaineers of the North Caucasus*, Moscow; Ladyzhenskiy, AM 2003, 'Adat mountaineers of the Northern Caucasus', *South Russian Review*, vol. 18.
18. Komarov, LV 1868, 'Adat and proceedings thereon', *SSKG*, vol. 1.
19. Ladyzhenskiy, AM 2003, 'Adat mountaineers of the Northern Caucasus', *South Russian Review*, vol. 18.
20. *The beginnings of public and legal relations. Essays on general comparative history of law 1901*, Moscow.
21. Hetagurov, K 1939, *Mountain Ossetians*, Stalinar.
22. Pfaff, V 1871, 'People right of Ossetians', *SSKG*, vol. 1.
23. Ladyzhenskiy, AM 2003, 'Adat mountaineers of the Northern Caucasus', *South Russian Review*, vol. 18.
24. Musayev, AM-A 2014, 'The sovereignty of the people of the Chechen Republic and the traditional (teip) organization of Chechen society', *Laws and regulations*, no. 10.
25. *Common law: the nature and main characteristics* 2015, retrieved 01 December 2014, <<http://studentu-vuza.ru/pravo-narodov-kavkaza/leksii/obyichnoe-pravo-suschnost-i-osnovnyie-harakteristiki.html>>.
26. Mankieva, HM 2006, *The genesis of the legal culture of the peoples of the North Caucasus*, PhD thesis, Rostov-on-Don.
27. Nebratenko, GG 2011, *Normally, the legal system of traditional society*, Moscow.